

Крушение марксизма*

ЕГОР ГАЙДАР

Первое, что приходит в голову оглядывающемуся на прошлое реально мыслящему человеку, тем более политику, так это то, до чего же быстро в стране, где практически все взрослое население — по крайней мере те, кто окончил вузы, — получило образование, так сказать, под эгидой марксизма, последний стал выходить из сферы серьезных общественно-политических дискуссий, пока вообще от него не отказались как от метода анализа действительности. А тем, кто кормился "всесильным" учением десятилетия, очевидно, только и осталось, что к месту и не к месту размахивать красными флагами.

Всерьез, впрочем, марксистскую методологию, даже при анализе проблем социализма, перестали применять давно, хотя и использовали по требованию и не без успеха там, где речь шла об особенностях "развивающихся" стран или о характере капитализма на современном этапе и т.п. Но ведь не секрет, что имелись, больше того, вызвали продолжительный европейский и мировой резонанс такие сугубо марксистские по духу работы, как, например, "К вопросу о развитии монистического взгляда на историю" Г.В.Плеханова, "Развитие капитализма в России" В.И.Ленина. Все это были солидные, сильно и ярко написанные труды. С ними можно, естественно, не соглашать-

Фото Анатолия Мелихова

ся, указывать на отдельные поддержки, ставить задним числом на место их маститых авторов как незадачливых в политико-экономическом плане пророков; тем не менее с ними можно и нужно серьезно полемизировать.

Выкристаллизовавшийся в этих образах марксистский анализ исправно служил большевикам и в период революции, и в гражданскую войну, и сразу после ее окончания. Взять ту же публицистику Н.И.Бухарина: да, догматична, грешит неточностями и верхоглядством; однако видно, что перед нами рассуждения вполне серьезного экономиста и темы, на которые он рассуждает, постепенно складываются в одну, принципиально важную для автора социально-экономическую проблематику.

Попробуем теперь с высоты дня сегодняшнего кинуть взгляд на то, что было некогда руководящим, будоражащим умы и чувства учением.

Итак, марксизм. С одной стороны, несколько архаичная, базирую-

щаяся на существовавших еще до начала работы над "Капиталом" экономическая теория. С другой — ни больше ни меньше, как целостное и четкое отображение близких и отдаленных целей человечества, своего рода свод правил поведения в этом мире. По существу, как бы образчик некой светской религии: наполняет смыслом жизнь, отвечает без тени сомнения на все кардинальные вопросы.

Вместе с тем марксизм — очень интересная макросоциологическая историко-философская концепция, суть которой в том, что исторический процесс рассматривается, в первую очередь, как массовые, глубинные социально-экономические процессы и метаморфозы, а вовсе не как

случайное переплетение действий и результатов действий исторических лиц (героев, гениев, злодеев). Марксизм утверждал, что производительные силы, материальное производство — важнейший двигатель, динамизирующий историю, что производственные отношения — основной аспект всех сторон общественной жизни и от того, в какой степени эти отношения соответствуют потребностям развития производительных сил, в огромной степени зависит само развитие человечества. Наконец — и это особенно следует подчеркнуть, — что производственные отношения могут как создавать благоприятные предпосылки для экономического роста, так и существенно тормозить его. И в тех случаях, когда производительные силы перестают укладываться в русло сложившихся производственных отношений, возникает база для мощнейших социально-политических противоречий и конфликтов, иногда взрывающихся революциями.

* Журнальный вариант. Полностью работа выйдет отдельной книгой в издательстве "Евразия".

В большинстве отечественных марксистских работ конца XIX и первого десятилетия нового века содержится действительно интересный анализ происходящих в дореволюционной России процессов: исследуются источники расслоения крестьянства, отмечаются тенденции развития, роста капитала и того, что мешает ему на пути. Вместе с тем, наряду с серьезностью в трудах этих обязательно присутствует, как своеобразный "happy end", ритуальный, заданный ответ — все, дескать, кончится грядущей победой социализма.

В самой этой своей заданности, хотя и увесисто подкрепленной "прямоугольной" логикой правоверных последователей Маркса, что социализм-де сначала должен восторжествовать в наиболее развитых капиталистических странах, где известное противоречие между трудом и капиталом достигнет апогея, марксизм явно выходит за грань допустимого для научной теории: перестает опираться на язык фактов, делает крен в сторону желаемого, опускается до того, что начинает усваивать пропагандистскую лексику, вплоть до голого призыва. Кстати, подобное видим уже у самого Маркса в "Капитале" — стоит только ему перейти от анализа к прогнозу, причем прозрачно идеологически заданному. Получается, что, еще только приступая к исследованию, Маркс уже знает, каков должен быть результат. (Поразительны в этом отношении точки соприкосновения с некоторыми сегодняшними нашими исследователями общества: та же проблема внутренней установки, осознанные или не осознанные следования неким субъективным интересам, идеологическим предствлениям и т.д.)

Эти же черты сплошь и рядом находим и у Плеханова, Ленина, Каутского. Для всех характерно сочетание сильного методологического оружия, "стреляющего" по действительно базовым, существенным объектам и превосходящего в этой связи "вооружение" оппонентов, и странно нереалистичных, тем паче ненаучных, посылок, связанных опять же с заданностью самого вывода.

Но уже тогда многим становится ясно, что марксистский прогноз относительно "взрывов" в развитых капиталистических странах все в большей степени расходится с реальностью. Марксовы слова об относительном и абсолютном обнищании пролетариата уже к концу 80-х годов прошлого века кажутся все более далекими от реальности. Медленно, неуклонно в самом лоне капитализма вызревает процесс социализации: размывание особо жестких социальных перегородок, снижение экстремально высокого уровня дифференциации доходов, укрепление прав наемных рабочих (включая распространением всеобщего избирательного права), формирование отдельных статей социальных гарантий, включая бесплатные образование и медицинскую помощь, а позже и пенсионное обеспечение. Реальная научная идея революционного крушения развитого капитализма все более становится нереальной и ненаучной.

2

Любопытно, однако, проследить, как укоренение социализма связано с параллельно протекающим в большинстве стран процессом, который находился и находится в разительном контрасте с, несомненно, мессианской (что касается социальных прогнозов) подкладкой марксизма.

Речь идет о европейском капитализме. Явление это органичное, выросшее из многовековой жизни социума, относительно стабильной, хотя и сложно дифференцированной, с гарантированной системой частной собственности, рынком, конкуренцией, давшими беспрецедентный толчок развитию производительных сил. Можно сказать, капитализм своим развитием поставил перед выбором те страны, где ничего подобного, в смысле исторических предпосылок и последующей эволюции, по известному ряду причин не произошло. Вызов набирающего темп европейского прогресса — вот, пожалуй, заноза, засевшая в теле стран, следящих за уходящим вперед флагманом и вынужденных решать все задачи догоняющего. Но кто они, эти "уходя-

щие вперед", и кто "догоняющие"? К лидерам в первую голову относятся Англия, Франция и Германия; к середнячкам — страны Восточной Европы — Польша, Австро-Венгрия; аутсайдеры — конечно, Россия, Япония и др. (Что касается США, то это статья особая, принимаемая во внимание американский "колонизирующий" фактор.)

Во всех странах, которые вынуждены догонять, роль государства в стимулировании развития оказалась существенно большей, нежели в государствах-флагманах. Ведь в гонке можно, того гляди, и потерять национальный суверенитет, перестать быть независимым, а уж "великой державой" — тем более. Естественна отсюда попытка сделать государство своего рода форпостом экономического роста — использовать, скажем, государственный бюджет для финансирования накоплений, а государственно финансируемые проекты — для оживления и последующего роста экономики. То есть, предположим, не частные компании, а государство строит, например, железные дороги. Понятно, возникает более высокая налоговая нагрузка. Коль дело движется не за счет частных сбережений, а за счет государственных, то сначала надо выжать их. Откуда? Разумеется, из не слишком богатого общества, что по тем временам означало — из крестьянства, ибо экономика почти вся сельская.

Итак, старт стимулируемой государством догоняющей индустриализации — это всегда дополнительное социальное бремя, а следовательно, потенциальный источник социальных конфликтов, серьезный вектор социальной нестабильности.

Надо ли говорить, что угроза революционных потрясений в данном случае гораздо реальнее, чем при органичном развитии общества, опирающемся на личный интерес каждого и частные сбережения? Перед догоняющей индустриализацией всегда встает стержневой вопрос: что произойдет раньше? Удастся ли создать необходимые предпосылки стабильности и равновесия в экономике и обществе (государство вкладывает деньги — в те же железные дороги, вводит

высокие запретительные тарифы на импорт, создавая тем самым спрос на продукцию отечественной металлургии, а за бюджетными централизованными капиталовложениями следуют и частные инвестиции)? Или социальный взрыв сведет на нет попытку такого государственного стимулирования экономики?

Как же обстояло дело в тогдашней России? То, что молодой капитализм у нас развивается, и довольно быстро, видят все, но по-разному. Марксисты — те наблюдают, оценивают различные стороны этого развития, замечают архаику, феодальные пережитки, настаивают на необходимости искоренения пут. И здесь столь разные люди, как Г.В.Плеханов, П.Б.Струве, М.И.Туган-Барановский, оказываются почти единомышленниками; в их работах много сходства. Но перед всеми маячит тот же вопрос: а что, собственно, делать, если кривая социальных противоречий, видных даже невооруженным глазом в этой огромной, по сути азиатской, империи, отправившейся догонять Запад, завтра подойдет к критической отметке? Революция? Но какая? Буржуазно-демократическая, устраняющая помехи на пути отечественного капитализма? Но, помилуйте, как поднять наших рядовых марксистов и идущих за ними многочисленных работников, наших романтиков-студентов и прочих недовольных жизнью на такую "мещанскую" революцию? Ведь все они только и делают, что говорят, как плох капитализм да как страшно при нем то, что называют демократией. Тогда, может, революция социалистическая? Но это же в корне противоречит всей логике марксизма, его базовой идее! Социализм-то, как высшая, следующая за капитализмом формация, может прийти только там, где созданы для этого соответствующие материальные предпосылки. А стало быть, и возможен он лишь в наиболее развитых западных странах...

В пылу полемики, приведшей в конце концов к отходу от "учения" многих поначалу пламенных адептов, ни один из российских мэтров марксизма на самом деле так и не дал убедительного ответа. Веские,

казалось бы, аргументы марксистской ортодоксии Плеханова довольно далеки были как от витавших в воздухе свободолюбивых настроений, так и от реалий самой пропитанной политикой жизни. Вообще, к 1905 году полемические баталии окончательно теряют какие-либо научные да и квазинаучные черты, становясь по преимуществу и оголенно политическими.

Существует, между тем, большая разница: занятие политикой в условиях авторитарного государства и такого же рода занятие при демократии. В первом случае налицо определенный риск. И под угрозой каждодневного ареста кормить сторонников умеренными лозунгами по меньшей мере смешно: дееспособной политической организации не создашь. Чтобы по-настоящему мобилизовать людей, сделать из них "бойцов революции", нужна цель великая, предначертанием своим оправдавшая бы любой риск. Тут уж "либо грудь в крестах — либо голова с кустах". Либо мы погибнем, но погибнем как герои за всеобщее и окончательное счастье; либо — победим, и это "всеобщее" и "окончательное" принесем с собой.

Такое на российской почве взращенное мессианство как раз и отвечало целям тех политических организаций, чьи программы, а главное методы, носили в тех или иных формах экстремистские черты. И ставили перед собой эти люди не практические задачи развития только-только, наконец, оперившейся капитализмом России, но непременно осуществление разных вариантов рая на земле. Относится это равно и к эсерам, и к большевикам. Ты обещаешь всеобщее счастье, но я-то обещаю и гарантирую еще более всеобщее счастье, и твое всеобщее не сравнится, в подметки не годится моему. Присовокупить к сему еще лозунги типа "Погибнем на баррикадах!". А кто не хочет гибнуть, тот, стало быть, предатель и трус.

3

Возвратимся снова к истокам создания политических революционных организаций в России. И к концу XIX, и в начале XX века в

стране так и не было, по существу, никакой свободной политической деятельности. Все партии родились в подполье. Причем левые возникли раньше легальных и умеренных.

В условиях близкого краха царского режима, в огне захватившей Россию мировой бойни наиболее подготовленными к смуте и имевшими, следовательно, гораздо больше шансов захватить власть, вне всякого сомнения, могли быть силы только крайнего толка. Рухнул, как карточный домик, старый порядок, державшийся на многовековой легитимности монархии. Но остался и вышел на поверхность столь же многовековой острейший разлад из-за земли между крестьянами и помещиками. А тут еще объявлена амнистия, полная воляница, сняты, отброшены любые формы ограничений на применение насилия... И победителями в том страшном воцарившемся в России хаосе могли быть только особо неразборчивые в средствах, готовые ради достижения своих целей на любую и в любом масштабе уголовщину силы. Но, помимо неестественности моралью, что неожиданно для многих русских людей (либерально-народнической ориентации особенно) оказалось созвучным вырвавшейся из дотолы сдерживаемых народных глубин стихии разрушения, нужно еще было оказаться способными дать подавляющей части этого народа, т.е. крестьянству, то, что оно так или иначе считало своим, — землю, или, по крайней мере, крепко пообещать землю.

Уместно здесь вспомнить и одну из страниц гражданской войны. Последний поход Врангеля — офицерские полки идут под знаменем возглашенной бароном конфискационной земельной реформы. А с каждым успехом белых все равно растет поддержка крестьянами красных — из-за страха, что землю господ отберут. И — если продолжить экскурс — большевистскую подразверстку и связанные с ней тяготы крестьянство терпит именно по той же самой причине (иначе, дескать, придут белые, помещики с ними, отберут землю).

К 1922 году, ко времени окончания гражданской войны, Россия по

социально-экономическому развитию оказывается в положении, во многом схожем с тем, в каком находилась накануне революции. По-прежнему перед ней задача догоняющего по отношению к хоть и ослабленной мировой войной, но все же далеко вперед ушедшей Европе. Однако что-то в стране немигнуемо изменилось, и весьма существенно. Крестьянство. Оно в явном выигрыше: получило землю, избавилось от продразверстки. Начинаясь нэп. Буржуазия в городах как будто легализована, хотя и частично, с большими ограничениями. Надежды государства (вновь теперь авторитарного, черпающего легитимность в недавней победе в гражданской, в признании ряда зарубежных правительств, в обеспечении держащегося на крови и штыках порядка) развиваться за счет инвестиций нэпманов довольно призрачны. Спрашивается, откуда брать деньги? Здесь-то и выясняется, что при всей схожести с до-революционной — нынешняя ситуация гораздо хуже.

Итак, кто же он, источник финансирования? Крестьянство? Да, это крупнейший социально-экономический слой. Но накопление за счет его частных сбережений означает дальнейшее усиление кулака, укрепление прослойки зажиточных. И, тем не менее, "Обогащайтесь!" — не просто брошенный добрым бухаринским социальным лозунг деревне. Это был знак иной стратегии отпрянувшей от догм, стоявшей на перепутье экономики, выбранный большевиками в острейший момент своей короткой истории курс на внутренние источники накопления, на добровольные инвестиции из самой массовой отрасли народного хозяйства — сельского. Если "обогащайтесь", если создадим вам максимально благоприятные условия для того, чтобы вы развивались, становились на нормальные фермерские рельсы, вкладывали деньги, получали дивиденды, вновь вкладывали средства, — то тогда... тогда у России (пусть не сразу: крестьянство-то, известно, консервативно) появится шанс осуществить развитие путем естественным, экономическим, посредством частных сбережений, частных инвестиций.

Но опасаются большевики. Только-только с таким трудом удержали захваченную пять лет назад власть; прекрасно знают, осведомлены, кто всех больше с неприкрытым и скепсисом относится к Советам, — конечно, зажиточные, сельские богатеи. И в отличие от интеллигенции их не кучка — другая — миллионы! Дать им шанс, открыть дорогу в политику (революция-то, по существу, была крестьянской) — значит, допустить огромный риск того, что они потом эту власть скоренько и отберут. Ведь очень еще непрочен их большевистский режим в этой взнузданной ими стране.

А если не "обогащайтесь", если сохраняется система ограничений и записанный в "кулаки" лишается по меньшей мере избирательного права, а его дети автоматически становятся политически неблагонадежными, то с какой стати ему надрываться, сберегать и вкладывать деньги в производство? К тому же живы в крестьянстве настроения общинные, традиции уравниловки ("быть, как все"). Но если буду я "как все", то как ты заставишь, чтобы я сберегал, вкладывал в "чужую" промышленность свои кровные? Лучше уж тогда посытнее буду кормить семью да и вкалывать потише. Мол, жить буду скромно, но и вам ничего не дам.

Ну, а кто еще может служить источником финансирования? Банки? Они сами сбережений не создают — то, что есть, аккумулируют, перераспределяют и направляют средства на кредитование инвестиций. Капиталисты? Нэпманы?..

Предпринимателям все время разъясняют, что, несмотря на популярное, заверяюще громкие слова вождя, разрешили новым господам благополучие ненадолго, невсерьез и что скоро, возможно, снова запретят. Может ли в такой ситуации промышленник, финансист быть уверен в стабильности, стать крупным источником денежных сбережений, а тем более инвестиций? Разумеется, нет. Вся его активность уйдет на сиюминутное: спекулятивные операции, игра на бирже, торговля и т.д.

Еще не надо забывать, что производительность труда рабочих по-

меньше, чем до революции, а зарплата-то побольше — гегемон как никак! Обижать нельзя. Но и рассчитывать, что с его стороны последует что-то, что, обернувшись дополнительными прибылями, вольется свежим потоком в производство, по меньшей мере несерьезно.

Получается, что единственный на тот момент потенциальный источник финансирования экономики — государство с его бюджетом. Но ресурсы последнего далеко не безграничны, более того — предельно ограничены. Ведь и стабильность "червонца", и относительно низкие темпы инфляции — все это "сидит" на его величестве бюджете, связано с тем, что бюджет остается в достаточной мере жестким, пополненным в считанные годы за счет резко сокращенной армии, ужавшегося госаппарата, ограничения дотаций, закрытия неэффективных производств и т.д.

Все перипетии экономической политики того памятного неполного десятилетия — это постоянная борьба Наркомфина, Госплана и ВСНХ по поводу масштабов накопления. Чуть больше централизованных бюджетных инвестиций для того, чтобы как-то, наконец, форсировать индустриализацию, — и сразу ломают картину финансовые диспропорции, подскакивает инфляция, падает стабильность рублевого курса. Замкнутый круг: деньги на развитие можно взять только у государства, а у государства нет неинфляционных, немиссионных источников. Выход? Их два. Первый — все-таки "обогащайтесь": карт-бланш для роста сбережений и последующих частных инвестиций. Сельское хозяйство как основной источник подъема экономики в стране, а следовательно, и соответствующая политическая линия на союз с зажиточным крестьянством, гарантии нэпману. То есть не временный, "тактический" отход от идей Октября и узды военного коммунизма, но постепенный, по-настоящему серьезный поворот на путь сугубо буржуазный со всеми вытекающими проблемами.

Небольшое уточнение. При сохранении рынка и частной собственности есть достаточно весомые

внутренние рычаги, ограничивающие вмешательство государства с целью, например, прищипорить экономическое развитие. Рассмотрим их.

Если государство, пытаясь подстегнуть недостаточный с его точки зрения экономический рост в стране, решает вложить для этого значительную сумму, оно может мобилизовать средства из двух источников. Скажем, повышение налогов. Но налоговое бремя в условиях рынка, с одной стороны, имеет свои внутренние лимиты, с другой — немедленно дестимулирует экономическую активность частного, сказываясь, тем самым, на его, частного, сбережениях. Увеличивая таким способом (т.е. нанося урон частному сектору) государственные средства, всегда есть опасность уничтожить под корень то, что, собственно, и подвигает предпринимателя к инвестициям, дает стимул к накоплению. Как показывают исследования, государственные вложения могут быть в качестве неплохой добавки, но никоим образом не заменой частных.

И другой источник — так называемое инвестирование под знаком инфляционности, иначе говоря, с помощью печатного станка. Но, печатая необеспеченные деньги, государство неминуемо расстраивает с таким трудом налаженную финансовую систему; подрывая стабильность национальной валюты — открывает дорогу как бегству капитала из страны, так и переключению предпринимателя на сугубо спекулятивные, "пустые" для государственного интереса операции.

4

Все эти доводы и расчеты, условия и преимущества, рано или поздно встававшие перед правительствами многих стран, имеют смысл, естественно, лишь при гарантии рыночной экономики. Советский же Союз решил проблему проще. Отбросил по-большевистски, как консервную банку с дороги, и пресловутый, в зубах навязанный рынок, и частную собственность, а заодно и саму возможность нормальной экономической жизни. Страна разом вышла за

пределы всякой экономической реальности. Сняты были любые ограничения на масштабы и динамику государственного накопления; норма же последнего поднялась на высоту, вообще, не выданную, если брать во внимание бытовавшие тогда модели социально-экономического устройства. При этом кому-то даже верилось, что подобный шаг, в новизне своей, может дать какие-то совершенно необычайные возможности...

Что же произошло? Победила линия на форсированную индустриализацию. Стало возможным (и логически необходимым) обильное эмиссионное финансирование. За ним — неизбежный всплеск инфляции. Ответ на последнюю — экспансия государственно регулируемых цен. Отсюда и закономерный дефицит. А раз он появился — то возникает и необходимость в распределении товаров и других ресурсов. Естественный денежный регулятор не работает; крестьяне отказываются продавать зерно, потому что за ставшие теперь пустыми деньги ничего не купишь (товарный голод благодаря санкционированному сверху, в результате такой политики, дефициту); неизбежно и сокращение посевных площадей. Следующий шаг — коллективизация. Причем (и это ясно из постановлений партийных пленумов тех лет) задумана и проводится она не как форма организации единоличников для ведения совместного эффективного сельского хозяйства, а как способ быстро отобрать у деревни все, что только можно. Не для того создавали колхозы, чтобы они богатели, а для того, чтобы служили источником дешевых рабочих рук. В некотором смысле подобные колхозные "новшества" напоминали податную общину, привнесенную еще монголами как механизм изъятия дани. Коллективизация — это и есть осуществление в государственном масштабе операции, суть которой — сдача, дань. Не продажа, а именно сдача.

Этим шагом, этой варварскими методами совершенной фактически контрреволюцией (после успешной земельной реформы и борьбы за нее в 1917—1921 годах была вос-

становлена в бесчеловечных формах жесточайшая эксплуатация крестьянства) большевики решили сразу несколько задач: созданы предпосылки для бегства сельчан в города; получен источник трудовых ресурсов для индустриализации; сняты введенные в 20-х годах жесткие социальные квоты на мобилизацию кадров из деревни.

Итак, деревня нищает: государство отбирает все, оставляя жалкий минимум, чтобы не вымерла окончательно. Вводится налог с оборота. Разница между закупочными ценами и ценами реализации — важнейший финансовый источник для мероприятий по пятилетнему плану. Зерновой экспорт в условиях страшного, прокатившегося по целым областям и районам голода (особенно на Украине, где вымирали тысячами) — из той же статьи государственных доходов.

В стране тем временем идет формирование чиновничьего аппарата, отвечающего за распределение и перераспределение ресурсов, за доведение планов, за лимиты, фонды и т.д. А чтобы не воровали, широко поставлена постоянная ротация кадров.

Таким образом, была выработана новая, небывалая еще в экономической практике человечества инновация — безрыночная экономика, которая, несмотря на огромность человеческих жертв, а возможно, и благодаря им, оказалась вполне дееспособным инструментом в руках идущей к своей цели, стянувшей всю страну единой целью партийной верхушки; и благодаря той же нестесненности моралью, что и в октябре 1917-го, и в последующие годы, удалось за несколько лет обеспечить определенный темп развития производительных сил.

Можно, конечно, сколько угодно рассуждать, указывать на издержки, на то, какую цену заплатила страна за авантюризм (или безграмотность?) при расчете первого пятилетнего плана, — но это будут рассуждения, так сказать, с позиции объективных законов социально-экономической жизни общества. А вот с позиции марксизма (з его российском преломлении) и издержки, и цена, заплаченная за

них, — все это детали, мелочи. "Лес рубят — щепки летят".

Первые пятилетки были блестящим подтверждением удивительной с точки зрения нормальных представлений логики марксистского анализа. Да, когда производственные отношения становятся тормозом для производительных сил, первые просто отбрасываются и вместо них формируются новые. Эти новые — как бы ответ на вызов времени, а вовсе не следствие какой-либо случайности. Переход от старого к новому идет через социально-политические катаклизмы, и ярким подтверждением служит как раз то, что произошло в 1929—1931 годах в России.

А в результате? В результате мы получили общество, в котором небывало высокой оказалась доля налоговых изъятий государством. Но и эта мера, кажется, почти не угнетает общей деловой активности в стране, ибо воспетый в песнях и кинофильмах тот трудовой энтузиазм вообще не зависит от стимулов к труду. Стимулы хороши для рынка, частного предпринимательства, а последних нет и в помине. Зато есть серьезные финансовые диспропорции, высокая инфляция и, как следствие, — очереди, продуктовые карточки; но в условиях невозможности вывоза капитала и одновременно отсутствия зависимости любого частного накопления от каких-то в этой связи деловых перспектив (скажем, выбора между долгосрочными и краткосрочными инвестициями) — такая экономика, тем не менее, не парализует экономического роста.

Разумеется, реальные, не декларированные темпы его на самом деле очень скромны. Но даже и они — исключительно за счет необратимого уже разорения деревни.

И еще один немаловажный итог тех лет: в России создается мощный военно-промышленный комплекс. И в таком качестве потенциального бастиона на пути "коричневой чумы", воцарившейся в быстро восстановленной милитаризированной Германии, советская социалистическая модель становится как бы единственной надеждой, особенно для "левой" и либеральной интеллигентной элиты Запада.

Тем более, что постепенно в Стране Советов начинают использоваться ресурсы и для решения социальных задач.

Приближалась война с Германией. Социализм по-русски по-прежнему сохранял для огромного большинства людей в разных странах мира свою привлекательность. И это несмотря на все злодеяния, казни, процессы, лагеря. В них и верилось, и не верилось; был страх потерять иллюзию, дававшую хоть какой-то смысл существованию; а те, кто знал наверняка, закрывали глаза, будучи не в праве, а главное, не в силах поколебать эту веру многих в единственную цитадель "мира и прогресса". Ореол социальной справедливости, декларируемый с форумов и собраний, из заводских цехов и полевых станков, тысячекратно распропагандированный и накрепко вколотый в головы людей, как над ликом непогрешимого святого, сиял над Сталиным и созданным им режимом.

Высшей точкой его стала победа в Великой Отечественной войне. Событие это, безусловно, встряхнуло систему, но, придав ей мощь и размах, подкрепив ее как бы легитимность, — победа в то же время и стряхнула с миллионов "винтиков", покорных советских русских и украинцев, грузин и узбеков, белорусов и молдаван, ощущение гнета, внутренней неполноценности, подавленного достоинства, отбросила прочь излюбленный на Западе образ "российского медведя, которого держать лучше в клетке". (Вскоре, кстати, "благодарный" за их терпение режим и отыгрался на них по-своему — и за первый год войны, что попадали в плен, и за последний, что вдохнули воздуха Европы, освобождая ее.)

Но это будет позже. А пока — эйфория от последних победных дней в Берлине, Вене, Будапеште, авторитет русского оружия, русского солдата, да и всего "русского", необычайно высок; повинно клонят головы перед победителями бывшие вожди белого движения — да, были не правы, да, вы, а не мы на деле собрали земли, собрали и

укрепили могучую, как никогда, империю, и ваш путь "сильной России" был верен, а не тот, что думали мы... Происходит любопытный симбиоз социализма и русского национализма: имперская экспансия в социалистической оболочке. Вместо лозунгов интернационализма — фразеология державности, неприкрытые реверансы царям Петру и Грозному, трескотня по поводу национального величия.

Но тот внутренниий, таящийся в самой системе порок, хоть на время и скрытый, никуда, как известно, не делся. Допинг индустриализации, как допинг у спортсменов, может дать и дает порой феноменальные результаты, но неизбежно разрушает здоровье — как человека, так и экономики. Колоссальное напряжение, каторжный труд, непомерные тяготы и лишения, сопровождавшие поступь первых пятилеток, дисбаланс конкретки и целого, авантюризм наверху, штурмовщина, авралы и некомпетентность исполнителей не только разрушили механизмы регулирования социально-экономической машины, но и губительным образом отозвались на целых поколениях. И если сегодня у нас действуют не умеющие принять верного решения офицеры и боящиеся ответственности генералы, чиновники и руководители, думающие больше о личной выгоде и отменном куске, нежели о своем профессиональном долге, засевающие в явно большем, чем нужно, количестве в госаппарате, министерствах, ведомствах, на местах и т.д., — то это отголоски все того, "легендарного", времени, душившего в работнике всякую инициативу, всякое проявление самостоятельности, крутозора, а зачастую и обычной совести.

Послевоенные мероприятия правительства так или иначе сосредотачиваются вокруг сельского хозяйства. Нарастающий аграрный кризис становится постепенно важнейшей проблемой для страны. К 1950 году, например, зерна производится меньше, чем производилось в 1913-м. К 1959-му городское население России уже превалирует над сельским. С начала 60-х годов начинается импорт зерна. Уже нет и речи, чтобы продолжать выжи-

мать из деревни все, что можно, как это было в предвоенное десятилетие, — наоборот, требуется срочно увеличивать капиталовложения в село, и доля этих вложений растет из года в год. Больше того, важнейший традиционный источник финансирования государственных расходов — разница между закупочными ценами и ценами, по которым реализуется сельхозпродукция, — этот казавшийся надежнейшим налог теперь сжался до нуля и приходится отпускать немалые дотации на ту же продукцию. А дальше что?

Отметим, что источник нормального развития — это всегда эффективное перераспределение ресурсов, закрытие мертвых без дотаций производств и создание новых, перспективных, отказ от устаревшего ассортимента и освоение продукции, имеющей спрос. И, как обязательное условие, конечно, инновации.

Дело же не в том, чтобы, мобилизовав, скажем, ресурсы из села, построить заводы, а в том, насколько действен и гибок сам конкретный механизм отбора инноваций, постоянен ли поток их, как происходит (и происходит ли вообще) процесс регулирования производства: закрытие плетущихся в хвосте, "зеленый свет" — жизнеспособным.

Короче говоря, речь о том комплексе задач, с которым как раз и справляются в мире посредством использования деликатных рыночных механизмов. Ибо громоздкая, иерархическая, централизованная система, способная еще решать задачи максимальной мобилизации ресурсов (для планов той же индустриализации), абсолютно беспомощна, когда перед ней задача, решаемая исключительно на микроуровне. Можно сколько угодно принимать постановлений об ускорении научно-технического прогресса. Можно, вкладывая огромные средства, добиться успеха там-то и там-то — например, создавать замечательные космические программы. Однако все это будет (в экономическом смысле) лишь попытками. Рано или поздно все равно отстанем. Должен быть постоянно функционирующий, на каждом

заводе, сельхозпредприятии, в каждой отрасли, механизм воспроизводства, освоения инноваций, который не компенсировать никакими волеизъявлениями и директивами.

Колесо истории хотя и медленно, но все же перемалывает все то искусственное, что называется социалистической системой хозяйства. Вдруг выясняется, что, несмотря на заверения и постановления, спад экономического роста у нас необратим, точно кем-то запрограммирован, а значит, с каждым годом все большим и большим будет структурное отставание от начинающих вновь уходить вперед развивающихся на капиталистических рельсах стран Запада и Востока. Как компенсировать отрыв в области технологий и организации, чем затыкать прорехи? Значительными все еще природными запасами России?

Как своего рода параллель, вспомним, что именно в таком положении находился Китай в 1976—1978 годах. Там тоже вырисовывалась дилемма: или реформы, или... Доля сельского населения по сравнению с Россией конца 50-х годов была, правда, намного выше,

но с точки зрения ресурсопотока, да и если брать положение отрасли, ситуации там и там выглядели весьма похоже. Китайское руководство, осознав, наконец, что дальше прежним курсом идти невозможно, что бытовавшая модель хозяйства себя полностью исчерпала, принимает нелегкое в тех условиях решение — сформировать заново ликвидированный когда-то частнохозяйственный уклад в экономике. Сначала — аграрная реформа, расширение самостоятельности крестьян, переход на контрактную систему. Следом — введение двойных цен — государственно регулируемых и свободных, постепенное раскручивание рыночных маховиков, создание открытых зон предпринимательства. Таким образом, распахнув двери рыночному сектору (но не вместо, а рядом с государственным), нашему великому соседу удалось предотвратить острейший индустриальный кризис; была продемонстрирована успешная попытка выйти, так сказать, из социализма, как выходят моряки из шторма, выбрасывая за борт балласт.

Продолжение статьи на стр. 74 ►

ДЕКЛАРАЦИЯ ПРЕДВЫБОРНОГО БЛОКА "ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ВЫБОР РОССИИ — ОБЪЕДИНЕННЫЕ ДЕМОКРАТЫ"

Мы, члены демократических партий и движений —

"Демократического выбора России", Российской партии Социальной Демократии, Крестьянской партии России, Конгресса национальных объединений России, желая видеть Россию демократической процветающей страной, считая права человека высшим приоритетом общества и государства, видя долг всех ответственных граждан и подлинных патриотов России в том, чтобы остановить идейных наследников Сталина и Гитлера, считая, что стабильность и процветание России требуют решительного укрепления рыночных механизмов, защиты частной собственности и свободного предпринимательства, стремясь к единству демократических сил страны,

26 августа 1995 года в столице России — Москве учреждаем предвыборный блок
"Демократический выбор России — Объединенные демократы".

В случае победы на выборах депутаты от нашего блока будут использовать свои депутатские полномочия для проведения курса на демократизацию страны, на защиту прав и свобод гражданина, на аграрную реформу, на мир и социальную справедливость в России. Они будут всеми средствами противодействовать попыткам большевистского реванша, провокациям националистов и шовинистов, коррупции и вседозволенности чиновников. Мы сделаем все от нас зависящее, чтобы в нашей стране восторжествовали демократия и закон, чтобы Россия стала свободной, чтобы наши дети гордились гражданством великой России.

Мы призываем всех, кому дорого будущее страны, 17 декабря 1995 года проголосовать за блок "Демократический выбор России — Объединенные демократы".

Крушение марксизма (продолжение со стр. 56)
ЕГОР ГАЙДАР

6

У нас же не было даже попытки к чему-то подобному. В памятной многим полемике середины 60-х годов, где, поданные еще достаточно робко, как бы стыдливо, под покровом всевозможных эвфемизмов и экивоков, дискутировались некоторые ключевые вопросы, более чуткая, грамотная и смотрящая вперед часть советского руководства потерпела жестокое поражение. Не исключено, что синдром отдаленного и совсем близкого прошлого — успехи индустриализации, и то, как показала она себя в деле организации отпора и разгрома фашизма, и послевоенные достижения в ядерных отраслях обороны, и даже настоящего — связанного с космосом, а также сам факт существования мировой системы социализма, захватывающей континенты и регионы, — все это, вместе взятое, и послужило, видимо, тому, что наиболее консервативные представители высшей властной бюрократии остались непоколебимо убежденными в том, что прежние испытанные рецепты не подведут, а все эти новомодные, идущие с Запада "штуки", помимо несомненно идеологического вреда, еще и далеко не безопасны в принципе.

На доводы реформаторов, что экономически соревнование мы проигрываем, отставание от передовых рыночных государств растет, а зависимость от аграрного импорта и того больше, — следует резонный контрдовод. Да, предположим все это так. Но вступить на путь преобразований — значит подорвать устои, пошатнуть систему, а следовательно, столкнуться с риском утратить политическую власть. Какие же мы политики, если пойдем на такое! А так у нас есть хороший, долгосрочный курс. Стабильность во всем — и в социальных гарантиях, и в политическом положении государства, наконец, что особенно важно для народа, стабильные цены, нет безработицы. У нас мощная армия. Мы хорошо защищены. А потому давайте сохраним как есть все эти производственные отношения в том виде, в

каком они сложились, — вне зависимости от того, нравится это производительным силам или не нравится. Маркс? Ну, это, товарищи, ведь когда было, а мы все живем теперь. Так что пусть развиваться будем помаленьку, помедленнее, зато все у нас будет отныне спокойно.

Таким образом, отстранив легион Маркса и решительно отмежевавшись от метаний и скачков "волюнтариста" Хрущева, ЦК во главе с Брежневым повел страну к стагнации и застою.

Временами легкой зыбью оживляют поверхность огромного, замкнутого, стоячего пруда, в который превратилась теперь вся страна, закливания о научно-технической революции; периодически проводятся конференции, пленумы, принимаются решения, например, о создании новых отраслей... Но суть от этого не менялась: дух инерции и предельная структурная ригидность сковывали все живое в обществе, сводя на нет любые инициативы, от кого бы те ни исходили. Отрасли растут вне всякой зависимости от их полезности и перспективы. Темпы роста всюду примерно одинаковые. Вот строятся два крупных автомобильных завода. Казалось бы, ВАЗ — чем не новация! Но... построен на итальянские кредиты, по итальянской технологии, за родную тюменскую нефть (уж очень кстати открыли там месторождение!). Огромные средства вкладываются в Западную Сибирь. Но по-прежнему нет мобильного перераспределения ресурсов в отраслях. Малодинамична и структура производства в целом.

Между тем реакцией на нефтяной кризис в странах мирового рынка стали крупнейшие сдвиги в металлургии: вывод мартенов, сокращение энергопотребления, снижение импорта и повышение эффективности энергопользования. В СССР же — полный штиль. Как в капле воды, пресловутая "стабильность" отражена как раз в той самой отрасли, что подверглась в мире таким изменениям. У нас, напротив, — как сложилась она к 1965 году, так в том же виде и существовала вплоть до 1990-го.

А что же общество, народ? Большинство, как и сам генсек, за стабильность и порядок. После Сталина, после десятилетий страха, в период кратковременной хрущевской "оттепели" и следовавших за ней еще более кратковременных "кукурузных" и иных шараханий — все как-то подустали и запросили, как милости, покоя. Очевидно, в эти годы социализм у нас теряет последних истинных приверженцев. Да и массовой поддержки давно уж нет. Все хотят колбасы, а не идей. Растерял — и, похоже, окончательно — господствующий строй будоражащие воображение черты мессианства; ничто, кажется, больше не вдохновляет. А многое и просто становится смешным. Никто и ничему не верит. Боязнь нового принимает чуть ли не патологический масштаб: страшатся прихода новых лиц на всех уровнях власти, невозможной делается нормальная кадровая политика. Отношение же к "старшему брату" в коммунистическом зарубежье стандартно-прагматично: деньги, кредиты, оружие, — а для получения требуемого всегда готов набор ритуальных слов, улыбок, жестов, поцелуев. Кризис, закат империи, закат строя, тихая агония марксистско-ленинской теории и всего социалистического эксперимента происходят в тот момент, когда сформированные в период индустриализации и изрядно сработавшиеся к середине 60-х рычаги оказываются не соответствующими новым задачам развития.

7

Между тем на окраинах коммунистической империи еще недавно прочно стягивающие скрепы заметно ослабли. Чем дальше в прошлое отодвигалась война, победоносный исход которой, связанный с именем вождя, целое десятилетие служил своего рода стержнем, некой имперской компонентой, подобно властной матери большого семейства, одним своим присутствием не допускающим и мысли о каком-либо центробежном поползновении, — тем очевиднее

становилось то, что иллюзия новой государственности и национальной самодостаточности (приправленных исходящей из Кремля и накрепко, казалось, вколоченной в голову идеологией) сменяется реальным чувством национального унижения от зависимости. Конечно, все они, что держались скрепами, были государствами-сателлитами, всем им разными методами навязан был режим — по существу, оккупационный и чуждый, терпеть который приходилось как неизбежность.

Однако любому терпению, как известно, рано или поздно приходит конец. С разных сторон предпринимаются отдельные попытки вырваться. Сначала достаточно робкие — чуть что-то видоизменить, обрести некоторую самостоятельность. Потом дело доходит и до иных масштабов. Жестко, революционно сбрасывается (на короткий, правда, срок) коммунистическое ярмо в Венгрии в 1956 году; мягко, эволюционно, сохраняя политическую лояльность, но под бдительным присмотром надзирателей со Старой площади обретаются черты суверенитета в той же Венгрии спустя двенадцать лет; на волне рабочего движения будоражат остальной мир отчаянные усилия демократических кругов Польши в 1979—1980-х годах.

Все эти попытки либо жестоко подавляются, либо, как в 1968 году в Венгрии, остаются как бы за глаза разрешенными вольностями; но, несмотря на явное недоброжелательство Москвы, оттуда предпочитают пока что не пресекать вольнодумцев. А вот вторжение СССР в Афганистан в значительной степени спасло Польшу от прямого военного вмешательства, замышлявшегося Кремлем.

В этой хрупкой, напряженной, едва удерживаемой на грани обстановке противостояния двух мировых систем венгерские реформы 1968 года успешно продемонстрировали, как можно мягко выходить из социализма, как и с чего начинать формирование гибких рыночных структур, стимулирующих инновации и производственную активность. Но уже в 1972 году последовал окрик — назад! Никому не дано права покушаться на заповедные табу, торопиться с рынком,

идти на серьезные, принципиальные изменения.

Вообще, эта табуированность, помимо ее огромного, целостного, угнетающего воздействия, сказывалась и на развитии таких сугубо прикладных научных дисциплин, как социология, политэкономия, — разумеется, в их марксистском преломлении. Они оказались как бы отрезанными от своего естественного поля. Масштабных марксистских работ, посвященных, скажем, социально-экономической картине страны, характерных (исследованием аналогичного предмета) для дореволюционных русских марксистов, в Советском Союзе просто не существует. Одна из загадок в том, что зрелый — на этапе социализма — марксизм весьма неохотно идет на серьезный анализ своего созданного общества. Ведь научный анализ — вещь опасная. Это поиск противоречий, внутренних конфликтов, их изучение, как и, впрочем, возникающих по мере исследования возможных альтернатив. А какие же могут быть противоречия в социалистическом обществе? Борьба хорошего с еще лучшим? Комично, например, что страницы учебников истмата, научного коммунизма, политэкономии социализма посвящены противоречиям социально-экономического устройства и, несмотря на это, утверждениям, что никаких серьезных противоречий — тем более социальных конфликтов — в этом обществе нет и быть не может, потому как оно самое лучшее, самое справедливое и пр. и пр. Максимум, что может позволить себе подобная "наука", — это намек. Но намекать — не значит изучать предмет с точки зрения, собственно, научного знания, равно, как ходить в СССР на выборы не означает еще свободного волеизъявления народа.

Так или иначе, но к началу 80-х годов значительной частью коммунистической элиты уже осознано как факт, что пресловутый курс на стабильность практически означает неизбежный отказ от каких бы то ни было амбиций, в т.ч. и характерного для марксизма мессианского характера. Если в 70-е гг. на эту собственную слабость еще как-то можно было закрывать глаза, то теперь тре-

щина, все разрастаясь, становится явлением уже абсолютно очевидным. Ситуация в стране полностью тупиковая. Темпы экономического роста стоят на нуле; экономика по всем параметрам катится вниз. Все архаично, неконкурентоспособно. Химия, машиностроение на десятилетие отстали от развитых стран; металлургия — лет этак на 25. Слово "импорт" становится едва ли не священным. Накапливается износ основных фондов. Тяжелым финансовым бременем остаются дотации в сельское хозяйство. Потребительский рынок падает, зависимость от иностранного зерна и мяса растет. Официальная идеология в полном параличе: доминирует цинизм в любых формах. А над всем, как тишина перед грозой или ураганом, — новый виток гонки вооружений.

8

Опыт второй половины XX века показал, что стабильные, развитые, богатые демократии не начинают больших войн. В крайнем случае могут быть втянуты в них (США — во вьетнамскую, в конфликт в Персидском заливе; Англия — в известные события на Фолклендских островах).

Однако надо полностью потерять рассудок, чтобы представить вторжение тех же Штатов, скажем, в Китай или нападающую на Россию Англию, а Францию — с мечом идущую на Апеннины...

Только сумасшедший может вообразить себе, что НАТО отдает приказ о начале атаки на Советский Союз, а теперь и на Россию, руководствуясь тем, что современная-де Россия нищая, истощенная страна. Но то, что обе мировые войны были начаты отнюдь не демократическими режимами, — истина, не требующая доказательств. Можно сколько угодно спорить о роли Гитлера или Сталина — но совершенно очевидно, что уж вторая-то мировая была развязана тоталитарным режимом.

Стабильные рыночные демократии, конечно, отнюдь не идеальны: в отстаивании своих интересов они могут быть сколько угодно неприятными, вести, например, "дипломатию канонерок" и т.п., но они в

принципе не являются источником военной угрозы для соседей, и уж во всяком случае — крупных соседей. Категории соперничества, порой даже вражды, остаются сугубо экономическими, никак не военными.

А вот для режимов недемократических, нестабильных, тем паче тоталитарных — как раз в силу традиционного механизма принятия важнейших решений; и характерно, более того, неизбежно представлять в лице своем источник угрозы именно военной. Как раз Советский Союз с восточным блоком именно так и воспринимался остальной Европой. (Кстати, точно так же советское руководство после известного конфликта в конце 60-х воспринимало Китай, страну, экономически бедную и недемократическую.)

Любопытная взаимооборачивающаяся закономерность: если кто-то боится другого, то действия первого основаны, естественно, на страхе. У другого же, как более сильного, вроде нет оснований для боязни. Однако можно, как инфекцией, заразиться самим страхом того, кто страх испытывает. Тут кроется, на наш взгляд, важнейшая для России геополитическая проблема, корни которой уходят еще в прошлый век.

Тогда, после 1812 года, Россия — большая, сильная и бедная — внушала известный страх всей Европе. То, что мы проиграли Крымскую кампанию, — это не только слабость тогдашней российской экономики и посредственная работа дипломатов. Причина и в том, что российский монстр восстановил против себя почти весь тогдашний мир. Не случайно, что в неприятельскую коалицию вошли и Турция, и Англия, и Италия, и Франция, а в конце войны, по сути, к ней присоединилась даже Австро-Венгрия, поначалу сохранявшая нейтралитет. Причем все эти страны отнюдь не питали особых симпатий друг к другу.

Столь же неизбежной была подобная реакция мирового сообщества и на победу в войне Советского Союза в 1945 году, давшей такой толчок к сколачиванию на востоке Европы новой грозной, агрессивной по сути, тоталитарной по

управлению и бедной по уровню жизни населения, империи. Выражением вполне понятного тогда страха, испытываемого демократическим Западом, было создание в пожарном порядке организации НАТО. Европейский страх — источник американского мирового лидерства; и во многом теми же причинами был вызван выламывающийся из вековых традиций американский активизм, который и вовлек США в две войны — корейскую и вьетнамскую.

Единственно разумной с позиции национальных интересов реакцией СССР на внушаемый им самим страх должно быть, разумеется, предельное спокойствие, понимание того, что все эти действия Запада — вовсе не угроза, а лишь следствие опасения перед усиливающейся советской военной мощью. А отсюда — и вывод, что соревнование в этой области абсолютно не является необходимым для страны. Тогда как, напротив, динамичное экономическое развитие — вот повод для истинного соревнования и созидания. Подобный вывод, как известно, сделала Япония, проигравшая в том же 1945-м, но не погнавшаяся вдогонку восстанавливать утраченный в войну потенциал, а сознательно и планомерно, путем долгосрочных низких военных расходов и высоких темпов экономического роста, достигая в конце концов неоспоримого триумфа в единственно реальном соревновании — экономическом.

Не то у нас (хотя, имея в виду традиции национального сознания, и у России, и у Японии есть нечто общее). Ведь социалистический режим всю свою историю кормил нас тем, что вот на нас напали, мы выиграли величайшую войну, заплатив за это десятками миллионов жизней. И что теперь каждой готовой ракете нужно противопоставить свою ракету, каждому танку — свой танк, самолету, подводной лодке и т.д. То есть мы должны быть готовы к войне со всем миром. Да и со стороны марксистской, коммунистической идеологии получается, что всю страну, всех ее граждан, по существу, готовили, внушая неизбежность, к решающей схватке с мировым капитализмом,

завораживая и одновременно панически боясь его. Иными словами, втягивались в опаснейшую игру, в которой можно промотать какой угодно объем национальных ресурсов. А втянувшись, очень трудно потом выйти из нее. Скажем, у вас атомные подлодки — а мы вам в ответ — системы их обнаружения; вы ставите бесшумные винты — а мы спутники повесим; вы нас спутниковым оружием — мы для вас найдем чего еще похлеще. И так до бесконечности.

Да, нас боятся. На Западе есть лобби, назначение которого — выбивание денег на военные расходы. Мы тоже боимся, и у нас свое лобби, которое тоже выбивает средства. И снова до бесконечности, до полного абсурда...

9

Но не все окружающие Россию страны отгнивают стабильной демократией. Были и будут существовать различные потенциальные носители угрозы нашей безопасности. И системы предупреждения и нейтрализации таких источников должны быть адекватны задачам обороны. Как Запад заинтересован в том, чтобы Россия, став стабильной и процветающей, перестала представлять известную угрозу, так и наша страна заинтересована в том, чтобы ее сосед — великий Китай — тоже бы стал стабильной, богатой, процветающей демократией. Но вместо этой, такой прозрачной реальности следовали страные с точки зрения нормальной логики шаги — ставили, например, ракеты "СС-20" с прицелом на Европу. В ответ, естественно, там ставили свои...

Существует несколько фундаментальных положений, которые, по-видимому, и должны определять направление геостратегических интересов России.

Первое. Запад со своим давно сложившимся стабильным рынком не является для нас угрозой в военном отношении. Источник подобной опасности — не богатые, а бедные страны.

И второе. У нас тем больше будет возможностей достойного ответа потенциальным нарушителям

нашего спокойствия, чем меньше мы будем тратить (беря во внимание тот же Запад и США) на атомные подлодки и противоракет-

послевоенной ямы. Японцев вовсе не унижает то обстоятельство, что у них нет таких ракет, как у США; и они вовсе не опасаются, что быв-

цент бюджета на военные расходы в течение следующих пятидесяти лет, создав тем самым плацдарм для быстрого экономического рос-

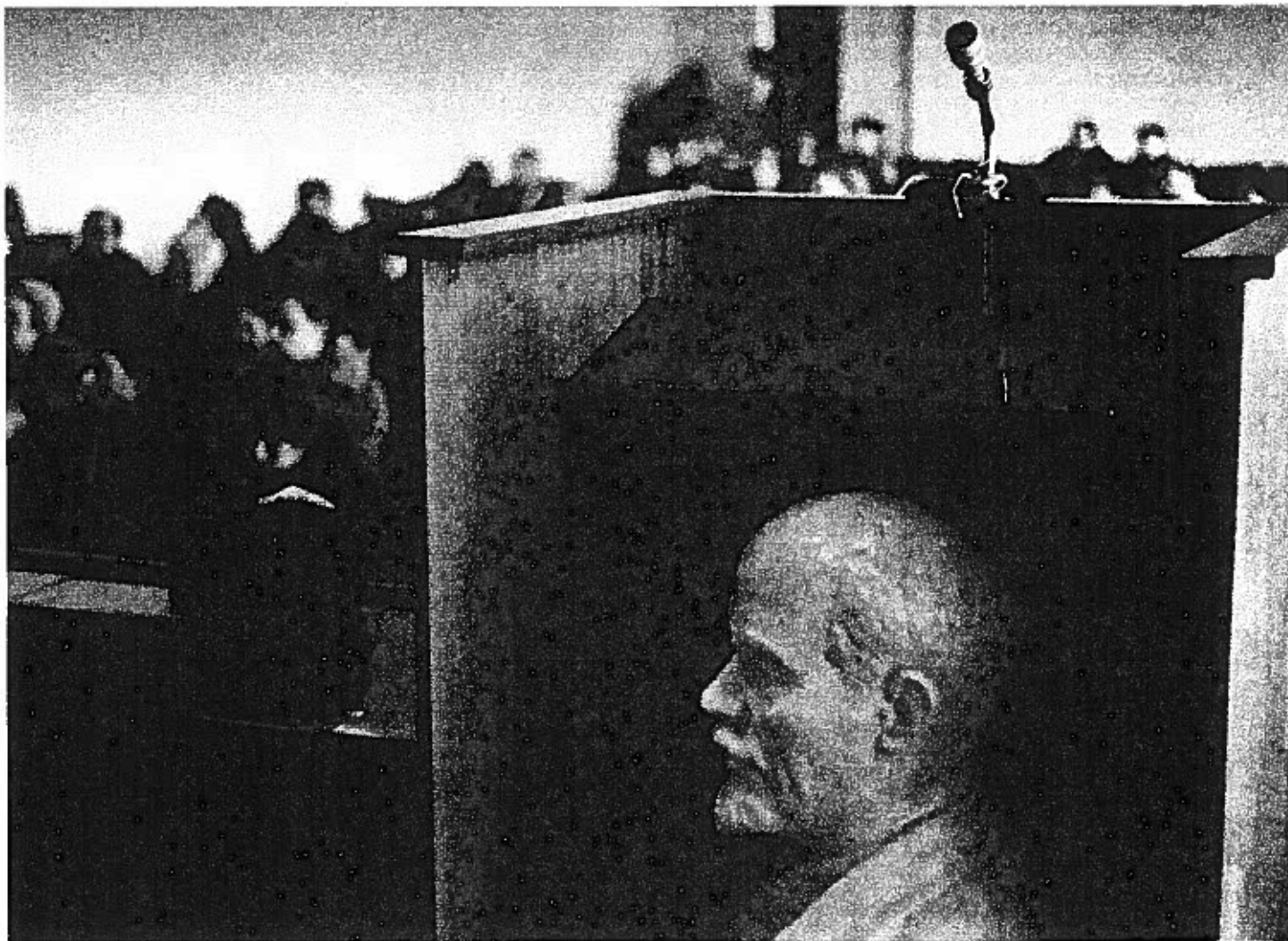

Фото В. Кобзаря

ные космические системы. Реально-то стрелять ну просто не по ко-му!

Ошибочными являются притязания во что бы то ни стало сохранять паритет в вооружениях и относительное равенство в военной технологии. До сих пор у нас в ходу известное заблуждение: раз мы в чем-то там слабее, стало быть, и хуже. Если бы, опять же, Япония реагировала таким вот образом на имеющееся в Соединенных Штатах лазерное и иное новейшее оружие, она бы никогда не выбралась из

ший противник в мировой войне может их уничтожить. Не испытывает унижения и Германия. Что же до Англии, то она содержит свой атомный флот не из-за боязни, что вдруг американцам придет в голову нанести по их островам некий превентивный удар, но просто потому, что хочет сохранить (будучи слабее экономически) статус равноправного партнера (хотя и младшего) великой ядерной державы.

Было бы прекрасно, если бы Россия могла себе позволить, как Япония, тратить всего один про-

та. Не может, к сожалению. Одна из причин — наш восточный сосед с населением в миллиард двести миллионов человек, страна политически нестабильная, хотя и с быстро растущей экономикой. С точки зрения геополитической нам важнее не лишний десяток атомных подводных лодок у берегов, скажем, Аргентины, а всемерное развитие инфраструктуры Восточной Сибири и Приморского края. Если, по всем прогнозам, Тихоокеанский регион станет в новом веке крупнейшим торговым конгломератом и

вообще базовой точкой мирового экономического роста, то у нас там, на самой границе, окажется мощнейшее государство, с весьма непроявленными целями, с экономическим потенциалом значительно больше нашего, с неизмеримо превышающей нашу плотностью населения.

Эта тема для отдельной серьезной дискуссии — где у нас потенциальные носители угроз, в чем выражается наш приоритет, куда должны направляться усилия по совершенствованию сухопутных войск и мобильных сил реагирования, а также авиации, флота и т.д. Отсюда, наверняка, понятно, где и кого нам искать в качестве возможных союзников. Скажем, Япония, как стабильное, богатое демократическое государство Азии, не представляет из себя источник какой-то угрозы для России. Более того, она наш потенциальный важнейший партнер в деле индустриального развития отечественного Дальнего Востока. Сближение с Японией (дружеские, партнерские, союзнические с ней отношения) с точки зрения геостратегических интересов России в XXI веке является проблемой абсолютно доминирующей. Если бы предположить, что кто-то хочет максимально навредить российским интересам, то ничего лучшего, чем вонзить занозу в отношения с Японией, придумать невозможно.

Надеясь на то, что в Китае будет стабильная демократия, мы занимаем в отношении его такую же позицию, что и Европа в отношении нас. Когда Запад нас остерегается, тогда заигрывание его с нашими восточными соседями — не что иное, как создание элементарного контрбаланса. Отпадет боязнь, и сразу проявится подлинная картина того, кто и как к нам относится.

Осознавая, что условия, допускающие лишь минимальный уровень военных расходов (даже с учетом того, что угроза безопасности все еще пока реальна), существуют, мы должны ясно представлять себе: в долгосрочной перспективе только рыночная экономика со всеми ее плюсами в сочетании с демократией даст нам ресурсы, до-

статочные для защиты национальной безопасности в XXI веке.

10

Вернемся к началу 80-х годов. К этому времени патологическое бессилие брежневского двадцатилетия достигло апогея. Сравнительная оценка развития разделенных стран (Восточная и Западная Германия, Россия и Финляндия, Чехословакия и Австрия, Южная и Северная Корея) с предельной убедительностью показала, насколько масштабны экономические провалы социалистического лагеря. А тут еще смена администрации в США — выход на политическую арену нового, достаточно прагматичного, жесткого, решительного руководства, провозглашение им программы “звездных войн”. Резкое увеличение военных расходов, гонка вооружений приобретают почти глобальные черты. Период, когда общество и политическая элита на 1/6 части света могли спокойно игнорировать краеугольную марксистскую формулу о несоответствии производительных сил производственным отношениям, по существу, завершился.

Кстати, о марксизме. Как практическое руководство — учение, разумеется, давно мертво. С точки зрения гносеологической марксизм — как социально-экономическая концепция — позволял сделать один-единственный вывод: сложившиеся формы организации производства, эффективные постольку, поскольку на предшествующем этапе, но не соответствующие изменившимся условиям, должны подлежать изменению.

Понятно всем, что подобный вывод — смертный приговор социализму со всей его марксистско-месснианской идеологией. То, что получило когда-то название “социализм”, оказалось настоящей преградой на пути развития и потому так или иначе должно было освободить, наконец, занимаемое им место в человеческой истории.

Вопрос лишь в том, как, с какой динамикой и во что уляжется этот давно ожидаемый поворот в производственных отношениях, какой степени накала достигнет возмож-

ный, и даже неминуемый, социальный конфликт в обществе, насколько катастрофичной (памятуя об Октябре 17-го) обернется та стоящая у порога социальная революция, которая должна принести с собой новые формы организации экономики?

Любой серьезный политик может (и должен) в этот ответственный момент желать только одного: чтобы процесс был как можно мягче, безболезненнее, чтобы новая революция не была, как прежняя, насильственной. Проблема перевода стрелок, указывающих путь развития, на другой курс — главная, пожалуй, проблема эпохи конца социализма (между 1982 годом — когда к власти пришел Андропов и концом 1991-го — когда система катастрофически, и, похоже, окончательно, в несколько дней развалилась в своей цитадели — в последней, несчастной, “отдельно взятой стране”).

И здесь на первый план выходит одна фундаментальная черта социалистической экономики, всего социалистического устройства общества — что, собственно, и сделало возможным совершить в недалеком прошлом пресловутый рывок “посоциалистически”. Речь идет о вовлеченности власти в текущие экономические процессы.

В любом почти учебнике по рыночной экономике можно найти те азбучные, идущие еще от Адама Смита рассуждения, что, например, своим потреблением молока и хлеба мы обязаны не воле государства и не буржуазности молочников и хлебопек, но жесткой логике того, что выражает экономический интерес последних. При социализме же тому, что в магазинах продается хлеб и молоко, тому, что в дом подается электроэнергия, тому, что ходят поезда и функционируют университеты, мы обязаны, единственно и только, пронизывающей всю страну снизу доверху гигантской иерархии начальников, которые издают директивы, “снимают стружку” с подчиненных, способны руководить равно и шахтой, и библиотекой, любят прозвище “хозяйин”, хотя и не являются таковыми, увольняют провинившихся и упрямых, а верных и послушных про-

двигают дальше и вверх, ведают и фондами, и лимитами, заседают, доводят до ума, рапортуют о сдаче, "горят на службе" во дни авралов и т.д. и т.д.

Выньте этих начальников из системы — она развалится, как груда сгоревшего хвороста.

Когда пошли последние, отпущенные социалистической экономике часы, перед "верхним эшелон" встал один, по существу, кардинальный вопрос: успеем ли создать или как-то сохранить тот набор регуляторов, который позволит, когда основной стержень прежних прерогатив будет безжалостно вынут, перевести устоявшиеся микроэкономические связи, так сказать, на новый плацдарм, под знамена рынка и собственности? Или же процесс окажется неуправляемым, стихийным?

Вопрос этот провисел в воздухе фактически все шесть лет — с 1985-го по 1991-й. Ключевым, решающим — было принятие закона о предприятиях, благодаря которому вводилось назначение и снятие директоров с согласия трудовых коллективов. Тем самым оказалась подорванной (в главном, стержневом звене) эффективность той власти, что на протяжении десятков лет неограниченно управляла всей социалистической экономикой. Это был первый удар. Дальнейшие — посыпались как из рога изобилия. Ослабление КПСС, назначение демократических выборов, суверенизация республик... Поступающие противоречивые указания позволяли вообще игнорировать все, что спускалось сверху. Стремительно ослабевала эффективность всех институтов социально-экономической жизни общества — не выполнялись планы, не отоваривались фонды, срывались госзаказы, вводились таможенные барьеры между регионами — словом, шел быстро нарастающий уже не кризис, а обвал. То, что подобное угрожало стране, — неопровержимый факт, усугубляемый еще и тем, что долго и умышленно не создавались параллельные, способные подхватить на лету рушащуюся на глазах экономику, конструкции, механизмы, инструменты и рычаги частного предпринимательства и рынка.

Очевидная неудача экономической политики властей, утрата ими уверенности в себе, слепота при выборе путей, шараханье из стороны в сторону — все это способствовало формированию мощного общественного движения, в основе своей ориентированного на радикальную смену существующего режима под лозунгами демократического популизма.

Вспомним снова хваленую марксистскую логику. Если правящая элита не способна изменить пришедшие к упадку отношения в производстве так, чтобы дать стимул экономическому развитию, то тем самым она сама выкапывает себе могилу, ибо создает возможность для революции.

Возникает принципиально новая политическая и экономическая ре-

альность. Уже с 1988 года власть не выбирает и тем более не определяет стратегию экономического развития: она действует во все более узких рамках. Каждая неудача ее, каждый просчет, каждый новый дефицит играет на руку оппозиционным властью силам, укрепляет радикально-демократическое движение.

Верхами вынужденно принимаются популистские решения, еще глубже подрывающие финансовый, экономический остов государства. Новая социальная программа, снижение налогов, крупные дополнительные расходы... — обществу придется платить за последствия каждого из этих, по существу, безответственных шагов; в результате жизнь становится с каждым месяцем все хуже, и конца этому как будто не видно.

НОВЫЕ КНИГИ

Киселев Ю.В. Политическая элита: ее сущность и психология. (По материалам исследований американских ученых) / Ярославский гос. ун-т. — Ярославль, 1995. 192 с.

Автор излагает теорию политических элит Г.Моску, В.Парето, Р.Михельса и концепцию политического реализма Ч.Мерриама, Г.Моргентау и Г.Лассуэлла. Он рассказывает о проблемах политического рекрутирования и воспроизведения властных структур, психологии и поведения политических элит, злоупотребления властью.

Российский бюллетень по правам человека. Вып.5 (специальный). — Проектная группа по правам человека. — М.: 1995. 101 с.

Очередной выпуск бюллетеня представляет собой справочное издание. В нем собраны адреса правозащитных организаций стран дальнего зарубежья.

Русская православная церковь в советское время (1917—1991). Материалы и

документы по истории отношений между государством и церковью/ Сост. Герд Штриккер. Кн.1. — М.: "Пропилеи", 1995. 400 с.

В 1988 году в Германии были изданы документы, посвященные 1000-летию крещения Руси. Последняя глава книги, посвященная советскому периоду, была расширена и явилась основой данного издания, которое предпринято Гердом Штриккером, сотрудником Института "Вера во втором мире", в Целликоне, Швейцария.

Книга печатается с благословения Его Высокопреосвященства митрополита Антония Сурожского и с предисловием академика С.С.Аверинцева.

Документы объединены составителем в тематические и хронологические группы. В первом томе собраны документы, начиная с Поместного Собора 1917—1918 гг., посвященные изъятию церковных ценностей и гонениям на церковь в двадцатые годы, документы о выборах митрополита Сергия Патриархом Московским и всея Руси и о послевоенной истории церкви.